

Дин Спейс
РЕАЛЬНОСТЬ

Дин Спейс Реальность

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68954004
SelfPub; 2023*

Аннотация

Саги могут не врать. Это все может быть Реальностью. И смерть бога вызвала страдания всех миров, которые отражают ту Реальность

Дин Спейс

Реальность

Борис проснулся от собственного крика. Он был мокрым, дрожал как лист на ветру, его грудь вздымалась в тщетных попытках протолкнуть больше воздуха в легкие. Рот был сух, как Каракумы. Боря с трудом набрал и проглотил вязкую слюну.

Он медленно сел, свесил ноги со слегка продавленного дивана. Его окружали выцветшие стены дешевой гостиницы. Центр Беячинска уже всю деловито шумел за щелястыми окнами. Люди в спешке добирались на работу.

– Проклятье, – подумал Борис. – Опять проспал!

Это повторялось уже третий день. Годами не было подобного, чтоб Одинцов по приезду пропустил утреннюю встречу на заводе. Лучший продавец, коммивояжер “от Бога”. Борис криво улыбнулся. Это уже в прошлом, по всему выходит. Скоро его наберет директор и устроит головомойку. Роман Олегович возлагал большие надежды на эту встречу, заводчане наверняка пожалуются на Бориса.

Он вздрогнул. Щетка, полная пены из зубной пасты, упала в раковину, как ни пытался он ее удержать. Смартфон разрывался от “Имперского марша”. Это мог быть только Локинцев, звонил из их родного Елизаветбурга. Чертыхаясь, Боря кинулся в комнату, застегивая дрожащими руками пуговицы

на рубашке.

У него все замирало внутри от ощущения катастрофы, но ужаснее всего было воспоминание ночного видения со смертельно бледным, каким-то нечеловеческим лицом, чьи черты он никак не мог воспроизвести в памяти. Это лицо приходило к Боре третью ночь подряд в самых больших кошмарах со времен далекого детства.

– Одинцов! Вас вызывает Роман Олегович, – проговорил в трубке вечно недовольный голосок секретарши Леночки.

Борис внутренне готовился услышать клокочущий от гнева, но как всегда вкрадчивый и многозначительный голос Локинцева, а перед его внутренним взором все стояло смертельно бледное лицо с нечеловечески огромными блестящими глазами, острыми почти как у вампира из комиксов ушами. И оно повторяло замогильным глубоким голосом, как и все эти полные кошмаров ночи:

– Ты... ты сам это выбрал! Ты в этом виноват!

По блестящим одеждам младшего Сына медленно растекалось ярко алое пятно. Шум внезапно стих. Многочисленные трэллы стояли потерянные, странно молчаливые. Богато одетые гости также утихли, многие все еще держали в руках странные бокалы с напитками всевозможных оттенков. Кое-кто уронил свой сосуд, отчего в потоках воздуха уже расте-

кались сладковатые ароматы амброзии и сурицы.

Один перевел взгляд единственного глаза на понурого Хёда, стоящего чуть поодаль. В ослабевшей руке он все также держал гиперлук Мистилтейн, потрескивающий голубоватой силовой тетивой. Всеотец скрипнул зубами. Он вспомнил, что сам подарил эту игрушку подслеповатому среднему Сыну, в надежде, что тот никогда ею не воспользуется, но ради иллюзии того, что он также полезен как воин и защитник Семьи и девяти Миров.

Отец кинулся к пошатнувшемуся младшему Сыну. Его очи, прекрасные, как весенний рассвет, уже стала заволакивать смертельная тень. Младший только успел удивленно глянуть на слегка корявую стрелу, которая смогла пронзить некогда неуязвимую тонкую, почти неощутимую грань, которая отделяла его от окружающего мира.

Еще минуту назад главным развлечением его братьев и гостей было на спор выстрелить из мощного арбалета или метнуть потрескивающее силовое копьё в Бальдра. Да и сам Тор, старший Сын, до безумия обожающий младшего брата, не раз бросал в него свое неудержимое оружие, которое вихрем могло пронестись сквозь толпы вопящих инеистых троллей, сея смерть и разрушения. И Бальдр только смеялся, когда всесокрушающий молот со звоном отскакивал от него

и падал на разноцветные мозаики палат.

Сейчас же Тор стоял, с шумом втягивая воздух, судорожно сжав рукоять своего страшного орудия, которое напиталось его гневом и испускало короткие яркие молнии во все стороны. Тору очень хотелось метнуть молот в Хёда. Чувствительный и хитроумный Локи потихоньку отходил от названного брата в сторону, в надежде, что никто не заметил, отчего он оказался рядом с невольным убийцей в этот момент.

Отец резким движением подбородка молча запретил Тору. За ним стояла с поднятыми руками застывшей статуей Фрийя, ее глаза были подернуты дымкой сейда. Мать молилась за Сына, боролась с нитями судьбы, что уже уносили его.

К Всеотцу подскочил темный альв по прозвищу Литур, бледный до синевы. Весь вечер гости подшучивали над ним, не в силах произнести его имя на родном для альвов языке, и между собой в насмешку называли Цветным это бледное щедрое создание с острыми ушами и огромными блестящими глазами. Сейчас же он одним из первых поспешил на помощь Отцу, подхватив умирающего Сына, нашептывая ему то ли слова утешения, то ли произнося молитвы неведомым богам альвов.

– Хуг вашего Сына пошел бродить по мирам! – заявил внезапно глубоким баритоном Литур. До этого он внимательно всматривался в бледнеющее лицо Весеннего бога.

– Ты знаешь, что это значит? – обернулся Всеотец к вышедшей из сейда Матери. Та помолчала пару мгновений.

– Это значит, что он приведет гибель и разрушения во все девять миров! И смерть преумножится, как и страдания людей и других существ. Миг здесь – сотни и тысячи лет там! А сильнее всего он любил Мидгард... Великие Пряхи, горе тому миру! – И Фрийя вновь вознесла руки к разноцветным сполохам небес.

А под бельведером на вершине колоссальной угловой башни Дворца простирался неимоверно прекрасный Асгард, чьи неисчислимые великолепные сооружения терялись вдали в разноцветных дымках пространств.

Такелаж скрипел умиротворяюще, но в душе Багыра ревел ураган. Вызванный на рассвете шаман опять не смог сказать ничего вразумительного о его снах. Вождь втянул крупным обветренным носом морской воздух. Утренний, еще

прохладный, он бодрил не хуже тех листьев, какими его угостил пленный смуглый купец на днях.

Дурак и есть дурак. Это испражнение шакала думало, что может откупиться от смерти. Ну, ребята веселились с ним дольше обычного, сдирая кожу с ног. Крики купца разносились по пустынному побережью, пока рыжеватые дети богов грузились на корабли, собираясь в поход. Точнее, надзирали за смуглыми и черными рабами, пока те таскали тюки, провизию, заводили лошадей в клетки. Да, и рабынь тоже не забыли, как без них в дальнем походе.

Багыр даже причмокнул, вспоминая ту смуглую девчонку из последнего разграбленного селения рыбаков. Жаль, она решила воткнуть себе в горло острую ветку, но не далась. Багыр уважал таких смелых.

Но эти сны... Как же они достали! Если братья узнают, что их предводитель кричит во сне от ужаса... Нет! Такое нельзя допустить, им еще надо завоевать Ата Лань. Кто ему в походе кинет вызов и сможет заменить? Эта сопля Гыгыр? Да он топор толком в руках держать не умеет, только и знает, что пить свои ядовитые травки, от которых голову сносит, и кидается в бой, не чувствуя боли.

Предводитель с гордостью оглядел окружающие воды. По

сине-зеленой легкой волне шли не менее двух десятков захваченных в боях кораблей, в основном критской постройки, парочка из страны пирамид Та-Кем. При воспоминании о той земле Багыр опять скрипнул зубами. На троне Пер-О сидел их дальний брат, предавший путь отцов. Он брал в жены дочерей окружающих царьков, пуская порченую кровь в семью, что уже тысячи лет как поклялась блюсти чистоту, еще когда выходила из глубин Савира.

Этот Пер-О знал все их повадки и хитрости, разбил неисчислимые орды рыжих братьев, когда они шли походами из пустынь возле Паленого Стана. Правда, иноземных жен у братьев было немало по пути из дальних краев, своих не хватало на всех воинов, да и выкуп немалый отдавать надо за рудовласую злобную жену своему будущему тестю. Так что Пер-О в чем-то даже прав. Багыр ему завидовал. Он тоже хотел трон и богатые земли. И чтоб не нужно было ходить в опасные походы. А братья по оружию станут его визирями и наместниками.

Да, так и будет, когда захватят Ата Лань, или Землю Отцов, как переводится их название со странно певучего языка. Как эти нежные с виду светловолосые и светлоглазые атланцы умудрялись сотни лет сдерживать натиск рыжих братьев? И как отдавать приказы в бою без привычных щелчков и гортанных выкриков?

Багыр гордился выучкой своей рати, тем, как подготовился к походу в полной тайне, так что аталанцы и не поймут, пока не станет поздно, кто на них напал. Тем более, что основные их силы ушли на восток помогать светловолосым родичам – дальним царям и градоначальникам, что отбивались от рыжих братьев где-то в районе Микен.

Все знаки богов говорили, что Багыру выпал счастливый шанс. Но этот сон, что мучал его уж вторую ночь... Гнусное бледное лицо с огромными глазами. Шепчущий злой голос, будто скребущий череп в районе затылка.

– Ты, только ты виноват! Этот мир погибнет из-за тебя!

Багыр злобно расхохотался. Да пусть хоть все миры погибнут! Рыжие Братья рождены властвовать на руинах чужих городов. Битва – их удел и радостное предназначение!

Багыр отдал гортанный приказ, щелкнули бичи надзирателей, и рабы поспешно стали убирать паруса и готовить весла. На остальных кораблях повторяли приказ предводителя, Первого из Братьев. Скоро им предстоит тихо на веслах подойти к почти беззащитной круглой цитадели Ата Лани. И у Багыра будет свое царство!

А пока он надевал боевой бронзовый доспех, смуглый маленький раб суетливо подтягивал лямки, а второй смазывал маслом после заточки листоподобный вытянутый меч без гарды. Багыр щерил крупные желтые зубы. Ноздри огромного горбатого носа раздувались в ожидании битвы.

А эти сны, и эта бледная голова с острыми ушами... Да идут они ишаку под хвост!

Круглый бельведер внезапно плавно поднялся в воздух и поплыл к Порту. Гости все так же молчали. Бальдр с трудом дышал в забытьи, с каждым вздохом теряя частичку жизни. Всеотец склонялся к нему, пытаясь уловить хоть слово, если Сын выйдет на мгновение из своей смертельной спячки. Темный альв Литур держал голову Бальдра на коленях, все также шепча какие-то слова то ли утешения, то ли молитв ему на ухо.

Дворец чувствовал приближение смерти Сына. Тысячи лет не возникало потребности в Ритуале, но сейчас умная махина сама запустила нужные процедуры. Из глубин древних гор, раздвигая потоки влаги с водопадов, выехала на старт древняя как мир разгонная ступень Хюррокин, вся покрытая толстым слоем нагара. Она издревле толкала кораб-

ли в пространство Асгарда. Пережиток прошлого, покрытая шрамами от огня Хюррокин была неммым напоминанием о катастрофе в Семье.

Сами собой в окружающих цветных потоках сладковатого воздуха над разгонной ступенью стали материализовываться силовые линии, обтекающие невидимую центральную ось. Они за мгновения сложились в прекрасные изогнутые формы корпуса корабля Хрингхорни прямо над разгонной ступенью. Постояли в воздухе и закрылись как цветок на закате, окончательно явив всем Ладью Печали. Над ее форштевнем загорелось силовое поле, образующее на стыке линий ярко блестящее кольцо рассекателя.

Бельведер плыл прямо к Ладье, она выростала на глазах, заслоня уже половину необъятного горизонта. Когда круглая машина почти уткнулась в приемную выемку Порта, младший Сын неимоверным усилием вышел из смертельного забвения. Один нетерпеливо оттолкнул в сторону альва, сам подхватил голову Весеннего бога. Тот хрипел, пытаясь произнести нечто важное.

– Отец! Это Локи... и альв... спаси... Мидгард!

Его глаза закатились, смерть обняла его. За спиной Всеотца раздался горестный вопль Фрийи, она во мгновение обер-

нулась драконом и взмыла в небеса, а жена Бальдра нежная Нанна упала замертво на цветные мозаики пола.

До задуманного события оставались считанные минуты. Пси-коммандер Бран пробирался по слегка шевелящемуся коридору. Квазиживые частицы меняли направление, выращивали где нужно перегородки, запускали воздух в обычно пустые проходы или помещения, освещали путь человека в древних обносках. Огромный комплекс давно был заброшен, с десятков поколений умерло с тех пор, как в этих проходах радостно ходили, бегали, любили тысячи и тысячи взрослых, детей, стариков.

На этот раз Ген-коммандер поручил ему важную миссию проникнуть в заброшенную часть материнского Кольца, которое приняло человечество после Гибели Земли. Наступающие инсекты не ожидают в своем тылу появления псионика.

Одним ударом всей мощи своего разума он прервет цепь несчастий, которые обрушились на умирающий мир. Ему нужно сосредоточиться, собрать в мысленный кулак все свои мысли и эмоции. Могучим ударом ненависти выжечь коллективный мозг победоносных иных, похожих на все ужасы

насекомого мира в своей ненасытной жажде найти и сожрать последних людей.

И если пси-коммандер даст слабину, раскроет врагу раньше времени свое местоположение, до сих пор сокрытое силой его внутреннего мира... Он видел их пару раз в соседних проходах, да и слышал шуршание сочленений насекомых и треск их надкрыльев. Но для них Бран был невидим, неслышим, неосязаем.

Опять это воспоминание. Назойливое, оно стучалось в тренированный ум. Бледное незнакомое лицо, огромные глаза, острые уши. Глупые навязчивые мысли, будто Бран в чем-то виноват. В гибели Земли? Бран? Да его пра-прадеда на свете еще не было, когда орды насекомых нанесли сокрушающий удар из глубин космоса, будто из другого мира появились их шипастые невообразимо отвратительные для человеческого глаза корабли-матки, корабли-гнезда.

И вот, когда люди потеряли свою планету, свои механизмы, свое могущество, возникла старая как мир идея развивать внутренние силы, которые только и стали единственной надеждой человечества в эти темные дни. И пси-коммандер был почти единственным, кто прошел Путь Страдания, выковал стальную волю к победе, мог мысленно управлять материей Кольца, и главное – проникать в разум насекомых, ко-

торых с такими усилиями брали в плен разведчики. Жертва десятков людей выковала Брана, сделала его тем, кто он есть.

Он дошел до места. Здесь, за стенами прятался один из важных мозговых центров Кольца, о чем инсекты не догадывались все сотни лет своего ига. Бран раскинул руки, начав погружение. Квазиживые частицы выросли пучками синапсов, обхватили его, будто врастили человека в самую стену. В его мозгу пылал раскаленный шар ненависти к захватчикам и угнетателям, векам прозябания остатков людей по дальних закоулкам и проходам Кольца. Мелькнуло в разуме то странное белое лицо, шипящее от ненависти. Но Бран легким усилием отключил все личное. Теперь он был всего лишь оружием, высшими силами предназначенным для мести.

Неимоверной мощи разрушительный удар разума через мириады синапсов проник в каждый уголок Кольца. Грязные оборванные люди падали на пол в дальних проходах и убежищах. Дети орали от боли, взрослые шипели от разрывающих разум картин. Но по всем отсекам инсектов, кораблям-гнездам, давно вросшим в Кольцо своими шлюзами, пронесся мгновенный невидимый ураган, сжегший мозги всех трутней, маток, рабочих инсектов, воинов, личинок. Везде грудились странными изломами шипастые ноги, жвалы, надкрылья перемешавшихся в смерти иных.

Последняя мысль в угасающем мозгу пси-коммандера была тем самым бледных лицом, которое все шептало:

– Это все ты... Все несчастья миров – твоя вина!

Пси-коммандер Бран улыбался в смертельной агонии, погруженный в шевелящуюся стену. Он знал, что его вид теперь будет жить долго и счастливо.

– Локи! – обернулся к хитрецу Отец. Тот неожиданно спрыгнул с платформы бельведера, во мгновение морфнулся лососем и нырнул в ближайший водопад. В то же время древняя Хюррокин плюнула огнями, разогреваясь перед стартом Погребальной ладьи.

Литур криво ухмылялся, даже не пытаясь скрыть от Всеотца свою причастность. Тщедушное создание гордо выпрямилось, осознавая в это мгновение свою жалкую власть ненавистного предателя над наивными в своем всемогуществе богами.

– Да! Это я послал хуг вашего Сына бродить по мирам! Я нашептал ему проклятия! Локи задумал все это, – только и успел произнести темный альв, когда мощным ударом мо-

лота взрыкнувший Тор отправил его воющую фигурку прямо в струи огня разгонной ступени.

– Да будет проклято его семя, его род! – глухо произнес будто бесстрастно Всеотец. – Да ненавидят его во всех мирах, да не будет ему покоя до скончания времен, до последней Битвы!

Единственный глаз Одина смотрел, как лепестки Хрингхорни закрылись за его Сыном. Силовая стена отделила всех от стартующей ступени Хюррокин, поднявшейся на столбах пламени в цветные небеса. Затем был радужный хлопок, поглотивший Ладью Скорби, уносимую по Мосту в глубины Хель.

А Всеотец про себя повторял то, что едва успел шепнуть умирающему Бальдру, и никто не слышал его слов:

– Я сделаю все возможное, мой Сын. Я спасу Мидгард! И все девять миров!

На горизонте в цветных дымках шумели первые посвисты Фимбульвинтера – Зимы Великанов, что погубит Асгард в последней битве Рагнарёка.